

кабристи на Україні. Зб. праць... К., 1930. 5. *Колесник П. І.* Творчість Леоніда Глібова // Глібов Леонід. Твори: В 2 т. К., 1974. Т. 1. 6. *Колотенко Н.* Граф Томський. Роман в стихах. Одесса, 1840. 7. *Кулиш П. А.* «Евгений Слагин» нашего времени. Роман в стихах. Ч. 1. (Публ. Д. Дорошкевича) // Збірник праць комісії для видання пам'яток новітнього письменства. К., 1927. 8. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. 9. *Маркевич Н.* Украинские мелодии. М., 1831. 10. О подражании // Укр. журн. 1824. Ч. 1. № 6. 11. *Пільгук Г.* Пантелеймон Куліш // Куліш Пантелеймон. Вибрані твори. К., 1969. 12. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма, письма в стихах И. Бороздны. М., 1837. 13. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин // Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 6. 14. *Пушкин А. С.* Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова // Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 12. 15. *Розанов И. Н.* Ранние подражания «Евгению Онегину» // Пушкин. Временник пушкинской комиссии 2. М.; Л., 1936. 16. *Смирнова Н. В.* К вопросу о жанровой природе подражаний «Евгению Онегину» // А. С. Пушкин. Проблемы творчества. Межвуз. темат. сб. науч. тр. Калинин, 1987. 17. *Сомов О.* Обзор российской словесности за 1828 г. // Северные цветы на 1829 г. 1828.

Статья поступила в редколлегию 24.10.88

М. М. Полуднева, преп.,
Каме́нец-Подольский пединститут

Из истории переводов Пушкинского наследия на Украине

Судьба творческого наследия Пушкина и история восприятия художественного мира поэта на Украине — тема большая и важная. Немало интересных работ советских исследователей посвящено изучению украинских переводов Пушкина и их влиянию на украинскую культуру. Благодаря трудам А. И. Белецкого, Е. П. Кирилюка, Н. Е. Крутиковой, Ф. Я. Приймы и других ученых, в современном советском литературоведении получили обоснование подлинно научные принципы изучения творческих связей украинских писателей с предшествующей и современной им русской литературой, в частности с Пушкиным. Исследования этих ученых показали, что опыт Пушкина активно способствовал становлению и углублению реализма в украинской литературе, формированию важнейших поэтических жанров.

В работах А. Л. Жовтиса, Г. К. Сидоренко, Е. П. Кирилюка и других ученых высказан ряд интересных соображений об освоении украинскими литераторами пушкинского опыта в области ритмической организации стиховой речи.

Принципы художественного перевода пушкинской поэзии такими художниками слова, как Шевченко, Старицкий, Франко, Грабовский, освещены в трудах А. И. Белецкого, М. К. Зерова.

Общественное мнение привлекли в свое время выступления М. Рьльского о Пушкине. Его статья «Пушкин на украинском языке» содержит важнейшие сведения из истории переводческих интерпретаций пушкинской поэзии на Украине. Переводы Боровиковского, Руданского, Гребенки и Старицкого Рьльский

рассматривает как определенные этапы в процессе становления и развития переводческого искусства в украинской литературе. В статье Рыльский также обращается к творчеству своих современников и подчеркивает принципиально новые начала, свойственные советскому художественному переводу, стремление к максимально приближенному поэтическому воссозданию оригинала.

Продолжая лучшие научные традиции в осмыслении принципов художественного перевода, Ф. Неборячок в монографии «О. С. Пушкин українською мовою» [5] анализирует различные переводы пушкинской поэзии и необычайно интересно сопоставляет переводческие версии одного и того же пушкинского текста. Что касается переводов пушкинской прозы на Украине, то они еще ждут своих исследователей.

В XIX в. проза Пушкина почти не переводилась. В советский период прозаические произведения великого русского поэта воссоздавали на украинском языке С. Скляренко, А. Головки, А. Кундзич, М. Стельмах, О. Вишня, О. Гончар, А. Хуторян, А. Ильченко и многие другие литераторы. Поэтому очень интересен факт перевода «Капитанской дочки» на западноукраинских землях. Первая такая попытка осуществлена на Буковине в 1880 г. журналом «Родимый листок», издававшимся на так называемом «язычии» (переводчик неизвестен).

Среди украинской интеллигенции на Западной Украине существовали разные взгляды на литературный язык. Представители ее реакционного крыла отстаивали «язычие», а после революции 1848 г. объединились вокруг «москвофильства».

На реакционную роль «язычия» указывал еще Н. Г. Чернышевский в 1861 г. Выступая против «москвофильской» газеты «Слово» со статьей «Национальная бестактность», Н. Г. Чернышевский бичевал искусственное «язычие», на котором «москвофилы» печатали «Слово», и советовал им пользоваться украинским литературным языком. «Наши малороссы, — писал он, — уже выработали себе литературный язык несравненно лучший: зачем отделяться от них? разве он так далек от языка русинов, что им нужно писать другим наречием?» [11, с. 775]. Он высмеивает попытки «москвофилов» создавать «свое особенное литературное наречие на смеси народного говора с литературным языком других племен» [11, с. 777].

Все же перевод «Капитанской дочки» на «язычие» представляет определенный интерес и нуждается в критическом осмыслении. С этой точки зрения любопытно проанализировать перевод повести, оценить те решения, которые находит переводчик на пути воссоздания средствами «язычия» выдающегося произведения Пушкина.

При сопоставительном анализе перевода «Капитанской дочки» видно, что система литературных образов не претерпела никаких изменений, но в нем много произвольных наращиваний и сокращений авторского текста.

Вот, например, характеристика Ивана Кузьмича: «Иван Кузьмич, настоящая солдатская дитина, был человек необразованный и простой, но очень честный и добрый. Жена ним управляла» [8, № 18, с. 266]*. («Иван Кузьмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечностью» [9, с. 441]**).

Можно также привести примеры существенного смыслового обеднения первоисточника. В пушкинском тексте о Василисе Егоровне в час приближения пугачевцев к крепости она, «присмирившая под пулями, выглянула в степь, на который заметно было движение» [с. 462]. В переводе утрачены важнейшие подробности: «Василиса Егоровна поглянула на степь» [№ 20, с. 300]. Еще более разителен другой пример. У Пушкина: «Вышев на площадь, я остановился на минуту, взглянул на виселицу, поклонился ей, вышел из крепости и пошел по Оренбургской дороге, сопровождаемый Савельичем, который от меня не отставал» [с. 483], а у переводчика: «...вышел из крепости и враз с Савельичем пустился Оренбургскою дорогою» [№ 20, с. 318].

Многие неудачи перевода объясняются недостаточным знанием русской речи и общественно-бытовых условий России XVIII в. Так, стремянный Савельич превращается в камердинера Савельича, хотя стремянный — это конюх, слуга, ухаживающий за верховой лошастью, а камердинер — домашний слуга. Бумажный змей, которого сделал Гринев из географической карты, преобразуется в «орла». В этом случае исчезает иронический аспект пушкинской прозы. «Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды» [с. 395] — «Отец вошел в то самое время, як я прилаживал хвост к «орлу» [№ 15, с. 226]. «Племянница придворного истопника», у которой на почтовом дворе остановилась Марья Ивановна, преобразилась в «своячку», а сам «придворный истопник» стал «придворным лакеем».

Вообще вся система языковых средств оригинала: национальная идиоматика, специфические сравнения, метафоры; эпитеты совершенно не ясны автору перевода. Например, прощание Гринева с Марьей Ивановной в переводе звучит так: «Прощай, моя милая, моя единая!» [№ 19, с. 299] (вместо пушкинского «прощай, моя милая, моя желанная» [с. 458]). Грубоватая русская лексика переводится нейтральной. Обращаясь к пленному башкирцу, Иван Кузьмич говорит: «Что же ты молчишь?... али бельмес по-русски не разумеешь?» [с. 455]. В переводе: «Що ж ты молчишь? Ты по-русски совсем ничего не понимаешь?» [№ 20, с. 296].

* В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием номеров и страниц.

** В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц.

Все фразеологизмы, блестяще использованные Пушкиным в романе, переданы либо искаженной лексикой, уродливыми словосочетаниями, либо вообще не воспроизведены. Исчезла красочная палитра речи всех персонажей, обезличились образы главных героев. Вот примеры выхолащенной речи Ивана Кузьмича и Василисы Егоровны, изобилующей у Пушкина пословицами и поговорками. У Пушкина Василиса Егоровна так говорит о судьбе своей дочери: «Одна беда: Маша, девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости бог!), с чем в баню сходить» [с. 422], а в переводе: «Одна беда: Маня девчина на выданьи, а вино даст Бог!» [№ 20, с. 266]. Или вот как характеризует Иван Кузмич свою жену: «...баба-то не робкого десятка» [с. 423], в переводе эта характеристика блекнет и приобретает совсем другой оттенок: «...баба-то раз, не абы яка!» [№ 16, с. 266].

Нередко живая речь героев романа вообще не переводится. Например, отсутствует перевод диалога между Гриневым и Иваном Игнатьичем, который уговаривает юного героя не участвовать в дуэли. Некоторые высказывания персонажей переданы искаженной лексикой. Так, в оригинале читаем: «Авось дадим отпор Пугачеву. Господь не выдаст, свинья не съест!» [с. 450—451], а в переводе: «Такой отпор дамо Пугачеву, що аж огу!» [№ 19, с. 286].

Все отмеченные недостатки в тексте перевода свойственны также речи доброго и преданного Савельича. Вот как интерпретирует переводчик слова Савельича: «Не изволишь ли покушать?» — спросил Савельич, неизменный в своих привычках. — Дома ничего нет; пойду, пошарю, да что-нибудь тебе изготовлю» [с. 471] — «Савельич пошел приладити мне що нибудь ести» [№ 21, с. 315].

Перевод изобилует нелепыми оборотами речи, уродливой лексикой. Ограничимся двумя примерами. Не желая тревожить свою жену, Василису Егоровну, вестями о приближении Пугачева, Иван Кузьмич решил усыпить ее бдительность рассказом о совещании: «А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломою; а также от того может произойти несчастье, то я и отдал строгий приказ впредь соломою бабам печей не топить, а топить хворостом и валежником» [с. 449]. Эти слова в переводе: «...я выдал строгий приказ, чтобы не топити соломою, а хворостом и обломками» [№ 19, с. 285]. Далее Иван Кузмич обращается к пойманному башкирцу: «Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка» [с. 455]. Переводчик фразу передает так: «Ты знать не в первый раз бунтуешь, коли у тебе так гладко выстругана палка» [№ 20, с. 295].

Часто в переводе не учитывается очень важный штрих. Так, в письме к своему сыну Петру Андреевичу Гриневу отец пишет: «Молю бога, чтобы ты исправился» [с. 440]. После перевода эти слова приобретают совсем иной смысл: «Молю бога, чтобы ты поправился» [№ 19, с. 282].

Интересно также отношение переводчика к стихам, которые вводятся Пушкиным в ткань произведения. Стихи, написанные Гриневым в стиле Сумарокова, которого он считал своим учителем, были посвящены Маше Мироновой: «После маленького предисловия вынул я из кармана свою тетрадку и прочел ему следующие стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И ах, Машу избегаю,
Мыслью вольность получить [с. 426].

В переводе стихи отсутствуют и поданы прозой: «После маленького предисловия вынул я из кармана свою тетрадку и прочитал стишки, в которых высказывал свою любовь к Мане» [№ 18, с. 267]. Вероятно, переводчик считал излишним воспроизводить стихотворные опыты героя в тексте перевода, не учитывая, что они несут определенную смысловую нагрузку. Понятие «рима» переводчик подменяет понятием «ритм». Сравн.: «На другой день, когда сидел я за элегией и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучался под моим окошком» [с. 435]. «На другой день, когда сидел я за элегиею и грыз перо в ожидании ритма, Швабрин застукал под моим оконцем» [№ 18, с. 270].

Величайшим достижением Пушкина является образ Пугачева, нарисованный живо, выразительно, исторически конкретно. О художественном воздействии пушкинского героя на читателей писал Вяземский: «Сам Пугачев обрисован метко и впечатлительно. Его видишь, его слышишь» [2, с. 23]*.

В интерпретации переводчика этот образ блекнет, теряет яркость, выразительность, исчезают те черты (живость ума, человечность, высокая народная нравственность), которые привлекали дворянина Гринева в Пугачева. Народные обороты речи, идиоматика, сочные сравнения, характерные для Пугачева, опущены. Например, пословицы, которыми насыщена речь Пугачева: «Кто не поп, тот батька», «Казнить так казнить, жаловать так жаловать», «Утро вечера мудренее», отсутствуют в тексте перевода, а некоторые идиомы переведены искаженной лексикой: «Долг платежом красен», — сказал Пугачев, мигая и прищуриваясь...» [с. 503]. — «Долг уплаченный», — сказал он, моргая и прижмурючись» [№ 21, с. 334].

Большое значение для понимания образа Пугачева имеет любимая песня крестьянского вождя «Не шуми, мати, зеленая дубравушка». Песня рассказывает об удалом, смелом и отважном «разбойнике», «крестьянском сыне». Пойманный, он должен был «держат ответ» перед «православным царем». «Добрый молодец» знает, что спрашивать будет «грозный судия» и что станет он ему отвечать. Не выдаст он своих

* Вяземский П. А. Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина (цит. по: Макогоненко Г. П. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Л., 1977).

товарищей, не покается в совершенном и без страха примет приговор. А «пожалует» его царь «среди поля хоромами высокими, что двумя ли столбами с перекладиной». Песню эту любил Пугачев не случайно — она не только выражала бестрашие перед лицом смерти, но и открывала его понимание жизни. В романе именно сцена исполнения песни поэтически обнажала трагизм Пугачева. Тем не менее в тексте перевода песня отсутствует полностью. Это же касается и отрывка, который характеризует Пугачева как смелую, удалую, отважную личность, как русского человека, готового жизнью пожертвовать за свободу. «Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай» [с. 476].

Из текста перевода также изъята калмыцкая сказка, которая является кульминацией в понимании центрального образа романа. Переводчик не увидел идейной значимости даже этого, первостепенной важности эпизода в раскрытии образа Пугачева.

Таким образом, рассмотренный перевод лишен эстетических и художественных достоинств. Но обращение буковинского переводчика к прозе поэта явление само по себе интересное, потому что дает возможность проследить, как в переводческой интерпретации романа Пушкина преломлялись общественные и эстетические принципы переводчика, степень его проникновения в оригинал и идейного понимания самого произведения. Кроме того, и перевод на «язычие» является одним из звеньев в истории освоения пушкинской прозы в украинском художественном переводе.

1. Білецький О. Збір праць: В 5 т. К., 1966. Т. 4. 2. Зеров М. Вибранс. К., 1966. 3. Крутикова Н. Вибрані статті. К., 1976. 4. Макогоненко Г. П. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Л., 1977. 5. Неборячок Ф. О. С. Пушкин українською мовою. Львів, 1958. 6. Прийма Ф. Я. Пушкин и украинское народно-поэтическое творчество // «И назовет меня всяк сущий в ней язык...». Наследие Пушкина и литературы народов СССР. Ереван, 1976. 8. Пушкин А. С. Капитанская дочка // Родимый листок. Черновцы, 1880. 9. Пушкин А. С. Капитанская дочка // Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 6. 10. Томашевский Б. Пушкин. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1937). М.; Л., 1961. 11. Чернышевский Н. Г. Национальная бестактность // Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1950. Т. 7.

Статья поступила в редколлегию 13.05.89.